А.А. ДРОЗДОВ
Доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова, РГХПУ им. С.Г. Строганова
e-mail: camertus@mail.ru

A.A. DROZDOV
Associate prof., Moscow State University, Russian State Stroganov University of Design and Applied Arts
e-mail: camertus@mail.ru

DOI: 10.37485/1997-4663_2023_4_2_195_204

ИЗМАЙЛОВСКОЕ СТЕКЛО 1700-х гг.

GLASS OF IZMAILOVSKY FACTORY FROM THE 1700s

Примерно в начале 1700-х на Измайловском заводе, выпускавшем художественное стекло до 1710 г., посуда «на венецианский манер» постепенно уступает место коническим рюмкам и стаканам. В моду входит огранка нижней части стаканов усеченными овалами и сферическими ямками. Растительный гравированный орнамент сменяют композиции, состоящие из герба и латинской надписи, прославляющей царя Петра I. Проведенное исследование составов позволяет отличить ранние изделия 1670-х и первой половины 1680-х гг. от более позднего измайловского стекла.

Around the beginning of the 1700s, at Izmailovsky glass factory that produced art glass until 1710, tableware «in the Venetian style» gradually give way to conical wine-glasses and beakers. The typical decoration includes cutting the lower part of the glasses with truncated ovals and spherical pits. A floral engraved ornament is replaced by compositions consisting of a coat of arms and a Latin inscription glorifying Tsar Peter I. The study of the compositions makes it possible to distinguish the early products of the 1670s and the first half of the 1680s from the later Izmailovo glass.

Ключевые слова: русское художественное стекло, стекло на венецианский манер, Измайловский стеклянный завод, гравировка.

Keywords: Russian artistic glass, «façon a Venice» glass, Izmailovsky glass factory, glass engraving.

В рассуждениях о позднем измайловском стекле мы оказываемся на необычно зыбкой почве ввиду крайней ограниченности письменных источников. С момента основания Петербурга внимание царского двора к резиденции в Измайлово ослабевает. Однако завод работает, на нем сохраняется прежний штат мастеров во главе с Индриком Лериным, а значит, продолжаются традиции венецианского стеклоделия. По-видимому, продолжается выпуск изделий с «дутыми» балясиновидными ножками, недаром «рюмки с дутыми пуговицами» упоминаются и в Записной тетради посудной печи Жабинского завода 1717 г. Примером такого изделия, исполненного «на измайловский манер», может служить бокал с изображением двуглавого орла и трофеев из коллекции Эрмитажа (ЭРС-116), который, судя по манере гравировки, изготовлен не ранее 1710-х годов.

Около 1700 года под влиянием богемского импорта в обиход входят изделия простых геометрических форм.

На смену многочисленным стаканам приходят бокалы с конической чашей, «чашки что чай пьют» конической формы на круглом поддоне и конические стопы, украшенные огранкой и гравировкой. В измайловских кубках-шутихах дутые полые ножки сменяются цельными, составленными из чередующихся приплюснутых яблок и дисков. По богемской традиции ножки бокалов украшает нить рубинового стекла (1). Редкие образцы измайловского стекла начала XVIII в. сохранились в Оружейной палате. Это рюмки с конической чашей и «красною струею на стоянах» (ГМЗ «Московский Кремль», инв. Ф-1648, Ф-1649, Ф-1650, Ф-1672, Ф-1584, опубликованы в [1, № 70–74]), отличающиеся формой ножки, состоящей из двух «пуговиц» или одной «перевитой пуговицы». При описании этих изделий использована терминология Тетради посудной печи Жабинского завода 1717 г. [2] и Описи Оружейной палаты 1884 г. [3]. В декоре рюмок, наряду с традиционными волютами, появляются стилизованная виноградная лоза, а также неизвестный нам в более раннем измайловском стекле геометрический орнамент в виде свисающих с верхнего края сетчатых ламбрекенов с цветами, схематически переданными тремя матовыми ямками (2). Такой же орнамент мы находим и на одной из чашек с блюдцем, коническая форма которой позволяет отнести ее к тому же времени, что и рюмки. Другая чайная пара (ГМЗ «Московский Кремль», инв. Ф-1566 [1, № 63] украшена

более богатым орнаментом из веточек с круглыми цветами и ягодками оливы.

От гравировки, выполненной осевшими в Москве мастерами, следует отличать предметы европейского стекла, ввезенные в качестве подарков. В их число входит стопа, гравированная в честь Полтавской битвы (ГМЗ «Московский Кремль», 1710, инв. Ф-1577), а также кубок из собрания Исторического музея (ГИМ, 1586 ст.). Его высокая ножка составлена на богемский манер из крупной цельной граненой балясины, приплюснутого яблока и множества горизонтальных дисков. Близкий по форме богемский кубок хранится в музее Брауншвейга (рис. 1). На чаше кубка из ГИМ представлено гравированное изображение русского герба в виде двуглавого орла под тремя коронами, на груди которого размещен щиток с фигурой Георгия на коне. Георгий на щитке повернут влево, что отвечает классическим правилам геральдики, но противоречит русской традиции, согласно которой еще XV–XVI вв. всадник на коне, воспринимавшийся как символ великого князя, изображался скачущим вправо, как на иконах. Именно так фигура Георгия представлена на гербе в Царском Титулярнике. Иностранный гравер, по-видимому, использовал латинский вариант Царского Титулярника, составленный в 1683 г. герольдмейстером императора Леопольда I Лаврентием Херулевичем, который был специально приглашен в Москву царем Алексеем Михайловичем [4]. В ранних изображениях герба все три короны имели примерно одинаковый размер и трактовались как короны трех царств — казанского, сибирского и астраханского. Гравер матирует все изображение, а затем детализирует его, работая параллельными штрихами, четко выделяя контуры. Особенно тщательно выполнено изображение Георгия, в нем мастер прорабатывает мельчайшие детали — конскую гриву, чешую дракона с широко раскрытой пастью, из которой высовывается длинный язык. Полируя изображение, он придает ему сходство с резьбой по гор-

Рис. 1. Кубок ГИМ 1586 ст. (слева) и кубок из музея в Брауншвейге (справа)

ному хрусталю. На противоположной стороне представлены два связанных пучка пальмовых листьев, обрамляющие протяженную латинскую надпись «TSAR CASANIEN, SIBIRIEN, ASSTRACANIEN RUSSIA». Здесь гравировка оставлена матовой, а сама надпись своим грубым начертанием контрастирует с тончайшей резьбой герба. Создается впечатление, что надпись, неофициальная и несколько архаичная для начала XVIII в., была нанесена уже в Москве.

Сложнее ответить на вопрос о месте изготовления большого кубка с портретом Петра (ГМЗ «Московский Кремль», инв. ДК-771), гравировка которого полностью копирует гравюру Мульдера, помещенную на фронтисписе издания «Символы и эмблемата» — сборника символов и эмблем, составленного Яном Тесингом и Ильей Копиевским и изданном в Амстердаме в 1705 г. с надписями на девяти языках. В гравированных изображениях угадывается уверенная рука европейского мастера. Прямоугольную гравюру он помещает в симметричный фигурный картуш с вырастающими из него завитками аканта. На противоположной стороне представлены знамена, трофеи и еще одно символическое изображение — фигура сидящего воина, прикованного цепью к пушечному стволу. Кубок выдут из тонкого стекла, что отличает его от богемского мелового стекла начала XVIII в., более массивного и предназначенного для гравировки. Хотелось бы вслед за Ашариной говорить об измайловском происхождении кубка, но в этом случае придется признать факт работы в Москве во второй половине 1700-х гг. опытного европейского гравера, что не подтверждено документально. Вряд ли здесь можно увидеть руку Матиуса Ульмана, так как других изделий, выполненной в близкой манере, мы не знаем. Как бы то ни было, кубок с эмблематами стал образцом, отдельные приемы украшения которого были восприняты работавшими в Москве мастерами. В нем впервые в русском стекле появляются тонкие волютообразные усики аканта с мелкими листьями, а также сферические оптические грани — как в виде отдельных полированных сфер по сторонам картуша, так и образующие цветок с более крупной ямкой в центре, помещенный на противоположной стороне кубка в обрамлении шлема с забралом, знамен и трофеев. Эти элементы в сильно редуцированном виде войдут в арсенал тех рядовых мастеров, которые украшали бокалы и стопы Измайловского завода.

На рубеже XVII–XVIII вв. в обиход входят гладкие конические стаканы (3), которые постепенно заменяют вышедшие из моды изделия с чешуйчатым декором и рифлением.

В отдельную группу можно объединить несколько стаканов (стоп), выполненных из тонкого бесцветного стекла хорошей варки и прорезанных в нижней части глубокими овальными ямками со скошенной нижней стороной. Все известные нам стопы этой группы украшает гравировка (4). На стопе из Эрмитажа (ЭРС-562), происходящий из наследства князей Долгоруких (рис. 2), изображен двуглавый орел в окружении двух растительных ветвей с мелкими листочками, а на противоположной стороне — протяженная латинская надпись «VIVAT PETER ALEX MAGN CZAR MOSC». Последнее слово указывает на время до 1712 г., когда столица государства была перенесена в Петербург. В стопе из МКЗ «Ростовский Кремль», ставшей в 1879 г. первым экспонатом Ростовского музея (ГМЗ «Ростовский Кремль», инв. К-772), на стороне, противоположной гербу, полированные сферические ямки-грани образуют шестилепестковый цветок, разрывающий латинскую надпись-посвящение, идентичную надписи на стопе Долгоруких. Сердцевина цветка представлена такой же ямкой, что и лепестки, но окруженной матированной полосой с нанесенной на нее поперечными штрихами, уподобляющей ее цветку ромашки. Сквозь эти линзы эффектно смотрится изображение герба на противоположной стороне стопы. К аналогичному приему мастер прибегает и в бокале (ГИМ, 1716 ст.), на котором отсутствуют оптические ямки-грани, а розетка на стороне, противоположной гербу, лишь обозначена матовыми окружностями на поверхности стекла. По верхнему краю бокала идет латинская надпись уже известного содержания, но в несколько измененной орфографии: «PETR ALEX MAGN CZAAR MOSC».

Рис. 2. Стопа с гравировкой, ГЭ

В стопе из Ярославля (инв. ЯМЗ-2833) оптические ямки собираются в квадрифолии, которые окружены полуциркульными арками с нанесенными на них сетчатым орнаментом, напоминающим ламбрекены на чашке из Оружейной палаты. В этом предмете надпись-посвящение отсутствует, а декор дополняют симметричные веточки с листочками и цветки ромашки.

В стопе из ГИМ (инв. 2744 ст.) расположение полированных круглых ямок никак не соответствует овальным ямкам нижнего яруса. В этой несогласованности чувствуется неуверенность мастера, еще не владев-

шего в совершенстве огранкой. Помимо ямок, он разбивает композицию на три части вертикальными овальными гранями. В образовавшиеся сегменты он помещает надпись «PETER ALEX MAGNUS TSAR MOSCHKAV», изображение герба с Георгием на груди и фигурку человека с копьем, идущего от одного дома к другому. Некоторые круглые ямки и овалы покрыты желтой краской, напоминающей золото (5), другие закрашены черной краской, а некоторые оставлены прозрачными. Кажется, что надпись едва уместилась в отведенное для нее пространство. По верху стопы идет горизонтальный фриз в виде стилизованных волютообразных завитков, известных нам по более ранним вещам. Все это позволяет отнести стопу из ГИМ к более раннему времени, чем остальные стопы этой группы и датировать временем ок. 1700 г. (6).

Рис. 3. Стопа из собрания А.В. Морозова, ГМК «Кусково»

Некоторые стопы 1700-х гг. имеют гладкую коническую поверхность, не тронутую огранкой. Их украшает гравировка, принцип построения которой отличается от «волютообразного» стиля конца XVII в. Теперь мастер не стремиться заполнить орнаментом все пространство, его роль сведена к минимуму. Двухчастная композиция традиционно включает герб и надпись, расположенные на двух противоположных сторонах. На стопе из собрания А.В. Морозова (ГМК «Кусково», СТ-621 [5]) на груди двуглавого орла изображен крупный овальный медальон с фигуркой Георгия, по русской традиции обращенной вправо (7). Мастер строит изображение крупными матированными плоскостями, по которым более глубокими линиями намечаются отдельные детали — клюв, глаза и оперение орла, волосы, лицо и копье всадника, грива коня. Фантазия художника представляет змея в виде птицы с головой и оперением, напоминающими орла. Мастер не обводит контуры жесткой линией, а оставляет их нечеткими. Хотя источники начала XVIII в. ничего не упоминают о русских граверах, впоследствии именно эту особенность будут выделять как характерную черту работы отечественных мастеров. Фигуру орла обрамляют две ветви с чередующимися мелко иссеченными перистыми и крупными матовыми листьями, которые отличаются от традиционных в европейском искусстве оливковых или пальмовых ветвей (рис. 3). На противоположной

стороне стопы помещена латинская надпись «PETR ALEX MAGN CZAR MOSC», размещенная в три строки, которые, как дань традиции, художник разделяет волнистыми линиями, взятыми им из арсенала декоративного стиля конца XVII в. Все это свидетельствует о том, что в Москве длительно жили мастера, гравировавшие измайловское стекло, манера которых постепенно эволюционировала в духе веяний времени. Один такой гравера нам известен — это чех Матиас Ульман, работавший в Москве с конца 1680-х до 1711 г.

Рис. 4. Стопа из НГМЗ в витрине на выставке «Поэзия стекла»

Стопа из Нижегородского краеведческого музея (инв. С-1369) (рис. 4) также выполнена из тонкого бесцветного измайловского стекла, практически не имеющего никакого цветового оттенка (9). По композиции она очень близка кусковской, что говорит об уже сложившейся традиции декорирования подобных предметов. Однако латинская надпись «PETER ALEX MAGNUS CZHAR MOSCHKAV» по орфографии несколько иная. Она помещена в эллиптическую рамку, образованную лавровыми ветками с крупными матовыми кругами по осям. Манера гравировки сильно отличается от стопы из коллекции Морозова. Мастер совсем не использует острое колесико, а как будто собирает фигуры из отдельных плоских элементов и толстых линий. Каждый такой элемент, будь то голова всадника, его шапка, грива коня, создается одним движением руки, держащей инструмент. В результате возникает живое и непосредственное, немного наивное изображение.

Стопа из коллекции ГИМ (инв. 2760 ст.) отличается от двух других несколько большим размером и чуть желтоватым оттенком стекла, больше характерным для провинциальных богемских мастерских. Двуглавый орел с широко раскинутыми крыльями поражает своей массивностью. На его груди изображен щиток с фигурой Георгия. Гравер использует русский вариант Титулярника, вновь направляя фигуру с копьем вправо. Но само изображение построено не очень умело, композиция явно перегружена деталями, доспехи Георгия закрывают от зрителя не только гриву коня, но и правую руку с копьем. Такое впечатление, что мастер пытается втиснуть фигуру в уже готовый щиток, но делает это настолько неумело, что головной убор всадника выходит из щитка наружу. Особенно комич-

но выглядит хвост лошади, составленный из трех широких штрихов. Две пальмовые ветви заполняют пространство между гербом и овальной рамкой, в которую вписана несколько архаичная надпись «CZAR CASANIEN ZIBIRIEN ASTRACANIEN RUSSIA», первое слово которой составлено из первых букв четырех остальных слов, расположенных в четырех ярусах друг под другом. Вслед за Ашариной, у нас нет оснований связывать этот предмет с Измайловским заводом, хотя характер надписи не исключает исполнение гравировки в Москве заезжим богемским гравером.

Иностранным резчиком гравирован и кубок царевича Алексея Петровича (ГИМ 4723 ст.), от которого сохранилась лишь чаша [6]. Она выполнена из тонкого стекла, характерного для Измайловского завода. По-видимому, не сохранившаяся ножка была цельной и состояла из яблок и дисков. Одну сторону чаши занимает крупная латинская надпись «VIVAT ZAARIVITSCH ALEXIE PETROWITSCH» в окружении двух пальмовых ветвей. На обратной стороне помещен двухглавый орел, несущий на груди круглый медальон с фигурой святого Георгия на коне, в окружении оливковых ветвей с ягодами. Георгий изображен скачущим влево — в соответствии с латинский вариантом Титулярника Херулевича. Данный кубок — единственный известный нам пример прославления царевича Алексея, казненного в 1718 г. Однако, безусловно, он связан не с Петербургскими заводами, а с Москвой, и, по-видимому, исполнен в начале 1700-х гг.

Заметим, что на всех рассмотренных предметах 1700-х гг. присутствуют исключительно латинские надписи, прославляющие Петра как царя московского или властелина трех царств — казанского, сибирского и астраханского. Они относятся ко времени, предшествовавшему переносу столицы в Санкт-Петербург, который произошел в 1712 г. Однако еще за два года до этого, в 1710 г., производство художественного стекла на Измайловском заводе прекратилось, а завод перешел на выпуск аптекарской посуды. Некоторые измайловские мастера были взяты на основанный в 1706 г. Воробьевский завод, где занимались варкой материи и отливкой зеркальных стекол (8), а также выпуском посуды по заказам Двора (в документах этот завод именуют зеркально-стеклянным). Владельцу этого завода Вилиму Лойду (William Laid) в 1712 г. были выплачены деньги «за изготовленные на его стеклянном заводе стеклянных изделий про государев обиход» [7]. В 1713 г. от Дворцовой канцелярии на завод поступил крупный заказ на изготовление стеклянных колокольчиков и «карафинок». Возможно, на этом предприятии впервые в России был впервые сва-

рен английский свинцовый хрусталь. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что для исполнения заказа московским пушечным двором была отпущена селитра, необходимая для варки именно хрустального стекла [8]. Исполнявшие этот заказ иностранные мастера Вилим Петров Ландю и Гаврила Томасов Дюкарь (Gabriel Dowker) отказались отправлять его в Санкт-Петербург без специальных ящиков для упаковки [9]. В 1712–1714 гг. русские мастера, работавшие на Воробьевском заводе, были переведены в Ямбург (10), а сам завод вскоре прекратил существование (11).

Фото, представленные в статье, выполнены автором в экспозиции музеев или взяты из литературы.

Примечания:

1. В документах 1670–1690-х гг. упоминаний о рубиновой нити в ножках бокалов нет. Рубиновое стекло на Измайловском заводе не варили. По-видимому, использовались привозные дроты.

2. Рюмка с молочной филигранью ГМЗ «Московский Кремль» Ф-1589 [1, № 69] по форме чаши и характеру филиграни, скорее всего, относится к заводу Орлова и датируется концом XVIII в.

3. В современной литературе их принято называть стопами, хотя в сохранившихся документах Жабинского и Ямбургского завода это слово ни разу не встречается.

4. Стопы аналогичной формы и огранки известны в центральноевропейском стекле начала XVIII в., примером может служить стопа из частного собрания, выс. 10 см, экспонирующаяся в музее стекла в Баруте (Бранденбург, Германия). URL: https://brandenburg.museum-digital.de/object/8001 (дата обращения: 15.05.2023). Ее украшает гравировка на охотничью тему и пространная надпись «iagen auff grüner heid ist meine freid» («охота на зеленой пустоши — моя отрада»).

5. Точно так же выделена гравировка и в стопе из Ростова Великого.

6. Фрагмент еще одной стопы этой группы найден в 2022 г. при раскопках в Толмачевском пер., д. 5, в Москве. Сохранилась нижняя часть стопы с расположенными снизу усеченными овальными ямками и несколькими сферическими ямками верхнего ряда, которые, как и в стопе из ГИМ, размещены произвольно и никак не соотносятся с нижележащими овалами. В промежутках между сферическими ямками заметны отдельные элементы растительного гравированного декора. Автор благодарен Ю.А. Лихтер за предоставленную возможность ознакомиться с находкой.

7. Еще одна подобная стопа хранилась в собрании А.В. Селиванова, см.: [10].

8. Не исключено, что огранку стоп могли проводить как раз на Воробьевском заводе, так как никаких сведений о наличии в Измайлово гранильни, в документах не содержится. В этом случае стопы с огранкой можно уверенно относить ко времени 1706–1712 гг.

9. Сведения предоставлены О.Н Яковук, см. подготовленные ей материалы к выставке «Поэзия стекла» (Уникальные произведения русского и западноевропейского художественного стекла из собрания НГМЗ, Нижний Новгород, 2021).

10. См. «Запись о высылке из Москвы в Петербург учеников Воробьёвских стекольных заводов Ивана Елисеева Беляева и Данилы Иванова Колосова» от 20 января 1712 г. [11] и «Доношение учеников Ямбургских стеклянных заводов, ранее работавших на Московских воробьевских заводах, Бориса Воротилина с товарищами о выдаче им денежного жалования за 1714–1717 гг.» [12].

11. О его работе в 1720-е гг. свидетельствуют выписки из Дел канцелярии Сената 1719–1729 гг. [9].

Список литературы:

1. *Горбатова И.В*. Художественное стекло XVI–XVIII веков. Каталог собрания. — Москва: ГМЗ «Московский Кремль», 2006.

2. *Дроздов А.А*. Производство стекла на Жабинском заводе по данным письменных источников // Вестник МГХПА им. С.Г. Строганова. — 2002. — № 2. — С. 323–343.

3. Опись Московской оружейной палаты: часть 1. Посуда раковинная, костяная, каменная, кокосовая и проч. — Москва, 1884.

4. *Вилинбахов Г.В., Дрык С.В., Калашников Г.В.* Государственные символы Российской Федерации. — Москва: Гамма Пресс, 2019.

5. *Долгих Е.В.* Русское стекло XVIII века. Собрание Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». — Москва: Искусство, 1985.

6. *Ашарина Н.А*. Русское стекло. — Москва: Галарт, 1998.

7. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 47. Л. 477–480 об.

8. РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Д. 22. Л. 138–145.

9. РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Д. 35. Л. 218.

10. *Микитина В.В*. Художественное стекло петровской эпохи из собрания Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века» // Вестник МГХПА им. С.Г. Строганова. — 2017. — № 1. — С. 275–282.

11. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 6. Л. 16а.

12. РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Д. 33. Л. 507–507 об.